Текст · 17 июня 2023, 11:29
Уэнделл Стивенсон,

«Оно уже в три раза больше, чем было до вторжения». Репортаж Economist с украинского военного кладбища

Ни Россия, ни Украина не разглашают точное число своих потерь за время полномасштабной войны. На Краснопольском кладбище в Днепре с февраля 2022 года похоронили сотни украинских солдат. Многие до сих пор не опознаны — на это иногда уходят недели и месяцы. Корреспондент журнала *Economist 1843* Уэнделл Стивенсон побывала на кладбище и пообщалась с родственниками погибших, а также священником и могильщиком, патологоанатомом и гробовщиком. «Медиазона» публикует перевод ее репортажа.

Священник

«Раньше тут ничего не было, — рассказывает отец Дмитро Поворотный, показывая на ряды свежих могил под развевающимися желто-голубыми флагами. — Все началось в 2014 году». От входа на Краснопольское кладбище в Днепре мы шли мимо памятников темного гранита с портретами солдат, которые первыми гибли еще в те времена, когда война шла только в Донбассе. Но дальше простиралось бескрайнее поле с простыми деревянными крестами — это могилы солдат, убитых с 24 февраля прошлого года. Я приехала холодным апрельским днем: свинцовое небо, моросящий дождь, под ногами

трупики дождевых червей. «Здесь лежит Юрий Матышак, — говорит священник. — Учитель истории из Донецка. Я был с ним знаком».

Видео на YouTube

YouTube

The military cemetery

@The Economist

https://www.youtube.com/watch?v=osItUmH-JMM

Отец Дмитро пошел в армию добровольцем еще в 2014-м, в начале конфликта. Сейчас он служит армейским капелланом, но оружия никогда не носил. У него выбритые виски, волосы завязаны в хвост. Вместо рясы — военная форма с нашивкой: архангел Михаил.

Матышак погиб в Донецком аэропорту в одном из первых боев 2014 года. «Сложно было найти его среди обломков, — говорит отец Дмитро. — Опознали по деревянному кресту на шее, который он получил от меня. Мы смогли похоронить его только через полгода после смерти». Донецк был по ту сторону фронта, так что тело привезли на Краснопольское кладбище. «Тут много таких историй», — говорит отец Дмитро, почти по-дружески похлопывая гранит.

Около 14 тысяч украинских и российских солдат и гражданских были убиты между 2014 и 2022 годами. Данные по своим потерям за последние 15 месяцев ни российские, ни украинские власти не публикуют. Но по приблизительным оценкам счет идет на десятки тысяч убитых. В Украине к потерям уже привыкли. Скорбные посты появляются в соцсетях каждый день.

И на каждом кладбище на востоке страны растут участки со свежевырытыми могилами, покрытыми искусственными желто-голубыми венками.

Особенно много тел оказывается в Днепре — от города до линии фронта недалеко и на восток, и на юг. Краснопольское — единственное государственное кладбище, где хватает места для погибших. Гражданская часть расположена в низине, а военная — на вершине холма, открытая небу и ветру. Здесь находят последнее пристанище украинские солдаты. Кто-то жил в Днепре, многие — в других городах, а есть таблички, на которых написано: «Временно неизвестный защитник Украины».

Пока мы разговаривали с капелланом, желтый экскаватор вырыл еще ряд новых могил. «Оно растет, — сказал отец Дмитро. — Оно уже в три раза больше, чем было до вторжения».

Семьи

«В Луганске мы его не могли похоронить», — говорит Виктория (фамилию она называть отказалась). Вместе с семьей она стоит у могилы своего мужа Станислава, которого убили в первые месяцы полномасштабного вторжения. Мужчины передают по кругу пластиковый стаканчик с водкой и пьют за усопшего, женщины шикают на двух мальчиков, которые хотели поиграть с собаками, рыскающими по кладбищу и вынюхивающими еду — ее иногда по традиции оставляют на могилах.

«Мам, а чего мы тут стоим?» — спрашивает один из мальчиков. Маленькая промокшая собака

пробежала мимо со свисающим из пасти украденным бутербродом. Когда убили ее мужа, Виктория была на оккупированной территории и приехать на похороны не смогла. «Я смотрела их онлайн по телеграму», — говорит она, проводя телефоном над могилой (стрим для мамы).

Неподалеку над могилой стоял священник. В годовщину смерти он читал проповедь и пел псалмы. На кадиле, которым он обмахивал могилу, звенели колокольчики. Рядом с ним — группа скорбящих с покрасневшими глазами, на обуви пакеты, чтобы не испачкаться в земле.

Фото: Emre Caylak / Agentur Focus / Redux

«Стольких похоронили у меня на глазах, — рассказал мне молодой и румяный отец Роман, глядя на ряды взгорбленной земли. — Здесь больше двух тысяч, и это только одно из кладбищ. Во время контрнаступления в сентябре было столько похорон, одного за другим закапывали».

Потом он извинился и ушел. Был Чистый четверг, и ему надо было готовиться к Пасхе.

Володя просил не называть его настоящее имя, потому что он служит в Нацгвардии. Он пришел с матерью и Аленой, крестной своего брата. «Полгода назад, когда брата хоронили, могилы шли вот до этого ряда. А теперь, — говорит он, раскрывая руки,

чтобы показать размеры кладбища, — все это свежие захоронения». Брата Володи убили в октябре, во время боев за освобождение Херсона. Его родители, в то время еще жившие под оккупацией, не смогли приехать на похороны. Володя умолял командира об увольнительной, но ее дали только через несколько дней. Навещать брата могла только Алена — перед смертью он лежал в коме в госпитале.

Мама Володи, которая попросила не называть ее имени, гладит деревянный крест на могиле сына. «Тут у него ноги, — говорит она, покачивая головой, потому что крест поставили неправильно. — А голова с другого конца».

«Это может прозвучать странно, — говорит Алена, — но это счастье, что нам есть кого навещать. Я столько видела в морге людей, которые своих найти не могут». Например, мать солдата, похороненного в соседней могиле. Алена видела, как она кричала и плакала, когда опознала тело: «Его похоронили в тот же день, что и Володиного брата, а погиб он за шесть месяцев до этого. И бедная женщина, его мать, все это время его искала».

Володя показывает на ряд с могилами неизвестных солдат за могилой его брата: «Двадцать пять человек похоронили в один день с братом, а опознали только четверых».

Неизвестных солдат хоронят с военными почестями. В церемонии участвуют священник, раввин и имам. Если позднее тело опознают, его эксгумируют и вернут семье.

Видео на YouTube

YouTube

The mothers

@The Economist

https://www.youtube.com/watch?v=NC2dJIRXcwI

Несколько женщин, которые приходят на кладбище каждый день, стоят рядом, передавая друг другу термосы с чаем и печеньем. Они обсуждают, что надо поухаживать за участками. Иногда кладут одну гвоздику вдоль ряда могил неизвестных солдат.

«Их матери все еще не знают, где их искать», — говорит Татьяна Склярова. Она пришла к своему единственному сыну Сергею, который погиб 28 апреля прошлого года, когда ракета попала в базу, на которой он служил. «Я с ним в семь утра поговорила, а через 15 минут его убила ракета, — рассказывает она. — Я на этом кладбище живу. Как будто я с ним, но одновременно он очень, очень далеко».

Татьяна поставила вокруг могилы сына деревянное ограждение, застелила ее искусственной травой, украсила фонариками и цветами. Закутанная, чтобы не мерзнуть на ветру, Татьяна полностью отдается своему горю. Она яростно кричит, рыдает, прижимаясь к кресту, а потом утирает слезы тряпкой.

Патологоанатомы

Валерий Войченко, директор Днепровского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, объяснил мне, что две даты на табличках, прикрепленных к могилам неизвестных солдат, — это

не годы жизни, а день, когда тело привезли в морг, и день, когда получено свидетельство о смерти (обычно около месяца спустя).

До войны в Донбассе днепровские патологоанатомы имели дело с неопознанными телами два-три раза в год. Теперь такие тела привозят каждый день. И каждый день в коридоре собираются взволнованные родственники с папками документов в руках.

Погибших забирают с поля боя обычные солдаты или специальные команды, в чьи обязанности также входит поиск личных вещей, которые могут помочь с опознанием. Трупы и отдельные части тел попадают в морг в разном состоянии. Кто-то был захоронен в неглубокой могиле, и его тело выкопали, как только территорию освободили; кого-то нашли в засыпанном окопе или под обломками через несколько недель или месяцев; кто-то сгорел. Зимой останки сохраняются лучше. «Летом, — говорит Войченко, — тела разлагаются быстрее, урон больше. Иногда это просто полтора килограмма останков в пакете».

У украинских солдат нет жетонов, и это затрудняет процесс опознания. Расследователи составляют подробное описание каждого тела: рост, вес, цвет волос, особые приметы вроде татуировок. Они снимают тело с нескольких ракурсов, составляют опись одежды и личных вещей: телефон, бумажник, часы, украшения, бумаги, найденные в карманах.

Эта информация собирается в досье. Члены семьи могут позвонить на горячую линию в морг, и специальные операторы попробуют соотнести

имена или отличительные признаки с теми телами, которые есть у них в базе. Если тело невозможно опознать по внешности, то есть примерно в 10% случаев, делают анализ ДНК, и его результаты хранятся в базе, чтобы можно было найти родственников. Виктория Черняк, директор лаборатории, сказала мне, что с прошлого февраля они секвенировали 1 500 ДНК неопознанных солдат. «Мы обрабатываем примерно 20 образцов в неделю, в зависимости от интенсивности боев, — говорит она. — И это только тут, в Днепре». В особо сложных случаях патологоанатомы создают отдельный файл, который они называют «картой неизвестного».

На стенах кабинета, где учат студентов, выставлены примеры работы: на полках раздробленные или продырявленные пулями черепа; мумифицированные руки; кусочек уха; отпечатки пальцев; рентгеновские снимки зубов и костей с винтами; фотографии исследований — вот руки в голубых перчатках, раскладывающие осколки костей, вот скальпель, аккуратно срезающий кожу. «Наша работа — обращать внимание на самые мелкие детали, — говорит Валерий Вьюн, директор лаборатории. — Каждая деталь встраивается в историю, и из этой истории мы делаем вывод».

Он показал мне фотографию почерневшего плеча: они проанализировали рисунок татуировки и сопоставили ее с семейными снимками. А недавно, получив доступ к медкарте, смогли опознать солдата по крошечному квадратику перфорированного титана, который использовали для фиксации перелома черепа.

«Самое сложное, — говорит Вьюн, — это сгоревшие тела. Бывает, что даже образец ДНК взять невозможно. Иногда единственное, что мы можем определить, — человек это был или животное. Просто пишем в отчете: "Это кости человека"».

Череп неопознанного погибшего солдата. Фото: Emre Caylak / Agentur Focus / Redux

Гробовщик

Небольшой фургон, в котором могли бы развозить, например, цветы, заехал на парковку морга, где уже стояли два контейнера-рефрижератора с телами. Водитель, 25-летний волонтер Паша Мазепа, вышел, чтобы найти носильщика.

У Паши набрякшие от усталости веки. В прошлом году он проехал 200 тысяч километров, отвозя тела из моргов Днепра и военных баз по всему фронту в родные города погибших на западе Украины. В его грузовичок влезает 12 или 13 тел в белых пластиковых пакетах. Вес у пакетов разный: иногда там тело целиком, иногда — части тела, а иногда — горсть останков, которые можно похоронить после ДНК-теста. Один пакет порвался. Части тела вывалились к Пашиным ногам, и он должен был собрать их обратно и положить в пакет. Паша помнит каждого погибшего: «Я всех их вижу. Они повторяются в моей памяти».

Паша регулярно проезжает по тысяче километров за ночь, лузгая семечки, чтобы не заснуть: «Не знаю, стоит ли это рассказывать — еще решат, что сумасшедший, — но я с ними разговариваю. Спрашиваю: "Ну что, остановимся на кофе?"». А когда он перевозит тела российских солдат на обмен, он ставит им украинские националистические песни и говорит: «Вот, смотрите, вот земля, которая вам не покорилась».

Сложнее всего ему дается перевозка тел украинцев после обмена: «Там семьи, которые месяцами ждали, а то и больше года. Так у них оставалась надежда, что их близкий жив и в плену или что была какая-то ошибка. И когда ты это тело им привозишь, ты убиваешь надежду».

По правилам Паше положено присутствовать, когда пакет вскрывают и члены семьи опознают тело — они должны расписаться в получении. «Иногда подхватываешь жену или мать, которые в обморок падают, ласково просишь подписать документы», — рассказывает он. Однажды Паша ужасно смутился, когда мать поцеловала ему руки за то, что привез тело сына: «Я после этого обнаружил, что говорить не могу, даже думать не могу. Понимаешь, что их близкий — ровесник твой, что ты легко на его месте мог оказаться».

Паша почти не видится с женой, его мать все время волнуется. За год он ни разу не брал больше чем три дня отгула подряд. Иногда сквозь маску изнурения проступает Пашино природное чувство юмора. «Я сильно изменился, — говорит он. — До войны я тамадой был на свадьбах, мероприятия вел, где люди

веселились и праздновали. Но не думаю, что смогу к этому вернуться».

Видео на YouTube

YouTube

The driver

@The Economist

https://www.youtube.com/watch?v=HM6UYTVTE1A

Мы говорим накануне Пасхи, но Паша проведет ее в дороге, ему надо доставить 13 тел в Карпаты. «Когда останавливаешься, то становится хуже, — говорит он. — Приходят всякие мысли, думаешь, что недостаточно помогаешь. Остановишься — и можешь сломаться».

Паша на дороге между мертвыми и живыми, между воюющим востоком и относительно спокойным западом, где жизнь как будто бы идет своим чередом в кафе, школах и на городских площадях. «Когда я приезжаю домой, в деревню под Львовом, там кажется, что людей не волнует, что происходит на фронте, — говорит он. — Слышишь иногда что-то вроде: "Я уже устал от этой войны, чего ради?". Ну, по-моему, ответ на этот вопрос можно найти на любом кладбище».

Могильщик

Два могильщика на веревках вытягивают пустой гроб из земли. Желтый экскаватор хватает его железными челюстями, так что от обшивки отлетают щепки, поднимает и бросает в прицеп.

Саша Нестеров — жилистый, неопрятный, с беззубой улыбкой — работает на кладбище 15 лет. Он пожимает плечами, когда я спрашиваю его о работе: «Люди умирают, и их надо хоронить».

Одна из кладбищенских кошек жмется к его ногам, и он выдавливает ей немного майонеза из тюбика. «Работы стало больше, — говорит Саша. — Привозят все больше и больше солдат. У нас утром уже был один. Иногда по 15–20 в день бывает. Хорошо, что у нас есть экскаваторы, ямы копать, тогда потом достаточно просто сверху земли накидать. Я привык. Только по понедельникам тяжело, если пил в выходные».

Солдат

Великая суббота перед Пасхой была холодной и ветреной. Группа людей собралась на молитву над открытым гробом Дмитро Пилюнчука. Его убили за неделю до этого, когда он под обстрелом пытался вытащить двух раненых из окопов.

Пропела труба. Забили барабаны. Заскрипели винты, которыми солдаты из взвода Пилюнчука прикрутили крышку гроба. Мужчины водрузили гроб на плечи и понесли его по тропинке к пустой могиле. Три солдата дали залп. У Пилюнчука остались вдова и дочь. Рыдания его старшей сестры было слышно от кладбищенской парковки.

«У Димы в тот день уже было сотрясение, — говорит один из его товарищей, от которого пахнет водкой. — Он мог не идти за ранеными. Все пошли, кто мог. Остаток взвода был на фронте. Нас все меньше и

меньше». Скорбящие бросили по горсти земли на гроб, могильщики начали работать лопатами.

Солдат по прозвищу Грузин отработанным движением сложил руки чашечкой и закурил на ветру. У него обветренное лицо и морщинки вокруг глаз, как будто он постоянно щурится, высматривая среди деревьев врага.

— Тяжело хоронить своих, — говорит Грузин. Он воевал на Донбассе с 2014-го по 2020-й, а потом снова пошел служить, когда началось вторжение. — Нас таких было семеро, кто с самого начала, но после контрнаступления двое осталось.

— Куда вы после похорон? — спросила я.

— Туда же, откуда пришли.

Неподалеку стоял, опершись на лопату, Нестеров.

— Выстрелили, постояли, поплакали, попрощались и ушли, — подытожил он, когда скорбящие вышли с кладбища и расселись по своим машинам.

Автор: Уэнделл Стивенсон

Оригинал: *A vast Ukrainian cemetery awaits the casualties of the counter-offensive*, *The Economist / 1843, June 4, 2023*

Перевод: Вера Нифлер

© 2023, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under license. The original content, in English, can be found on www.economist.com